

Текст · 10 декабря 2020, 14:02

Олег Зурман,

Дело врачей. Как судили калининградских медиков, обвиняемых в убийстве младенца

Стартовавший 6 августа процесс врачей Элины Сушкевич и Елены Белой, обвинявшихся в убийстве недоношенного ребенка — единственный суд в Калининграде, куда, несмотря на коронавирусные ограничения, до сих пор пускают журналистов и слушателей. Дело рассматривает коллегия присяжных, в основной состав которой вошли восемь женщин; двое мужчин остались запасными.

«Медиазона» подробно [рассказывала](#) об обвинениях, выдвинутых СК против калининградских медиков. Среди доказательств — показания сотрудников роддома №4, где в начале ноября 2018 года умер младенец, и экспертизы, согласно которым глубоко недоношенный мальчик весом 700 граммов погиб после введения якобы смертельной дозы сульфата магния. Как утверждала одна из свидетельниц, заведующая отделением новорожденных Татьяна Косарева, препарат младенцу ввела неонатолог Элина Сушкевич, приехавшая по вызову из Регионального перинатального центра. По словам той же Косаревой, убить ребенка приказала Елена Белая, исполнявшая на тот момент обязанности главврача роддома.

В Следственном комитете сочли, что мотивом врачей было «искусственное создание благоприятной картины успешной работы» роддома.

Ни Белая, ни Сушкевич вины не признали — по их словам, события, предшествовавшие гибели ребенка, развивались совсем не так, как рассказывали на следствии, а потом и в суде свидетели обвинения. Подсудимые настаивают, что ребенок умер просто потому, что был глубоко недоношенным — его не удалось спасти, несмотря на усилия реанимационной бригады во главе с Сушкевич.

9 декабря в Калининградском областном суде начались прения. Выступая перед присяжными, прокурор Анна Ефремова убеждала их в виновности врачей. По ее словам, Белая на следствии меняла свои показания как перчатки. В какой-то момент гособвинитель походя сравнила подсудимых с нацистами. «"Убивайте, убивайте, не думайте о последствиях. Знайте, что за всех вас отвечать буду я" — это слова нациста Германа Геринга»^[1], — объясняла Ефремова коллегии мораль врачей, какой она видится обвинению. Судья Сергей Капранов прервал ее эмоциональную речь.

О чем говорила в суде сторона обвинения

Сотрудники роддома, выступившие свидетелям обвинения, подтвердили перед присяжными все то, что говорили на следствии. Елена Белая назвала их показания «гнусной ложью».

В конце сентября в Калининградском областном суде **допросили** ключевого свидетеля обвинения — Татьяну Косареву. Она повторила: магнезию младенцу через пупочный катетер Сушкевич ввела в ее присутствии. «Элина Сергеевна подошла и сказала: "Давайте я все сделаю сама". Белая стояла

в дверях, за ручку дверь держала. Элина Сергеевна подошла к шкафу с медикаментами, вытащила оттуда упаковку с магнезией, достала одну ампулу, достала шприц, набрала содержимое одной ампулы и пошла к кювету^[2]. Она отсоединила капельницы, которые были подключены к ребенку, присоединила свой шприц и стала вводить. Вводила очень быстро через пупочный катетер», — рассказала Косарева.

На вопрос адвокатов, почему она сразу не сказала об этом следователям — показания о введенном мальчику сульфате магния появились в деле только через полгода — свидетельница ответила: «Я скрыла факт убийства, потому что я боялась Белую».

Сушкевич возразила, что не знает, как выглядит ампула магнезии. Выступая в суде, она напирала на абсурдность вменяемого ей поступка — новорожденный имел мало шансов выжить и без каких-либо инъекций. «Это абсолютно бессмысленная манипуляция. Так как такому ребенку для того, чтобы ускорить его летальный исход, достаточно отключить его от аппарата или просто перестать его лечить. И никакие специальные усилия для этого прилагать не надо», — объяснила присяжным обвиняемая.

По ее словам, младенец был при смерти, а попытки его спасти ни к чему не приводили. «Я послушала ребенка. Сердцебиение не выслушивалось, поэтому я начала выполнять непрямой массаж сердца. И сказала Татьяне Николаевне Косаревой, чтобы она развела адреналин, — вспоминала Сушкевич в суде. — Она подошла к шкафу, набрала адреналин. Точнее, я не

знаю, что она набрала, предполагаю, что адреналин. Вернулась обратно со шприцем — я говорю: вводи адреналин. Она вводила адреналин несколько раз, я выполняла непрямой массаж сердца ребенку. После достаточного количества времени, по моим ощущениям, ни я, ни Татьяна Николаевна, не видели эффекта от наших действий».

В свою очередь сотрудники роддома, выступившие свидетелями обвинения, подтвердили в суде, что Белая требовала «сделать ребенка антенаталом^[3]» — переписать медицинские документы так, чтобы из них следовало, будто он уже родился мертвым. Она же, по словам свидетельницы Татьяны Соколовой, выпытывала у Сушкевич, как поступают в таких ситуациях в перинатальном центре. «Сушкевич ответила: я не понимаю, о чем вы. Белая сказала: бросьте ломать комедию. На это ей было сказано: ну, мы магнезию [детям] вводим, но когда они еще в родзале. После чего Елена Валерьевна сказала: ну все, решено, мы будем делать его антенаталом, пошли. Они встали и пошли. Косаревой тоже было сказано: пошли. И они пошли», — пересказала этот разговор Соколова.

Нелепой версию об использовании сульфата магния для умерщвления новорожденных назвала в суде и заведующая акушерским отделением перинатального центра Екатерина Бабаян^[4].

Однако разговор об убийстве магнезией слышала, как она утверждает, и Татьяна Косарева. «Это гнусная ложь, которая по заученному тексту уже полтора года одно и то же говорится, по тексту, который

был предоставлен», — прокомментировала Белая ее показания.

По словам ее подчиненных, о том, что нужно представить смерть новорожденного как внутриутробную, Белая говорила у себя в кабинете, когда отчитывала врачей, которых винила в появлении «тяжелого» ребенка в роддоме. Часть этого разговора попала на видеозапись, сделанную одной из медработниц. Объясняя перед присяжными свои фразы, Белая сказала, что идея переписать документы исходила от Соколовой, а не от нее, а ребенок умер из-за некомпетентности подчиненных. Об «абсолютном непрофессионализме» сотрудников роддома №4 в своем открытом письме писал президент Российской ассоциации специалистов перинатальной медицины (РАСПМ) академик Николай Володин, изучивший, по его словам, материалы дела. Показания Косаревой он назвал «большой фантазией».

В середине октября свидетелей обвинения допросили повторно. Теперь им задавали вопросы о реанимационной помощи, которую оказывали умершему мальчику. Сотрудников роддома №4 вызвали, поскольку Сушкевич сказала в суде, что реаниматолог и медсестра роддома отменили назначенное ребенку лечение; те отрицали версию подсудимой. Косарева и на этот раз сказала, что видела, как Сушкевич по требованию Белой вводила магнезию новорожденному.

Элина Сушкевич. Фото: Александр Подгорчук / Коммерсант

И что возражала на это сторона защиты

На протяжении всего процесса адвокаты Белой и Сушкевич настаивали: доказательств того, что ребенку вообще вводили препарат магния, следствие так и не представило. Адвокаты отмечали, что в литературе, на которую ссылались авторы судебно-медицинских экспертиз, нет данных о токсичной или летальной дозе магнезии — ни для взрослых, ни для детей, а исследование трупа новорожденного вообще провели слишком поздно, чтобы судить о наличии сульфата магния в организме. Этот препарат, предполагали защитники, мог попасть в плод и через плаценту — впрочем, эксперты, которых допрашивали в суде, это исключили.

За время процесса у защиты накопилось много претензий к судье Сергею Капранову, который вел процесс. «Полагаем, что суд прямо или косвенно заинтересован в исходе этого дела», — сказал адвокат

Михаил Захаров на очередном заседании 20 ноября, когда заявлял уже второй^[5] отвод Капранову.

По мнению адвокатов, судья необоснованно **отказал** почти в десяти ходатайствах защиты — в основном, о допросе независимых экспертов, которые публично подвергали сомнению обвинения против Сушкевич. Так, Капранов **отклонил** ходатайства о вызове в суд главного внештатного неонатолога ЦФО, доктора наук Дмитрия Дегтярева, педиатра-токсиколога Галины Суходоловой и академика Николая Володина. Свое решение судья объяснил так: согласно УПК, о характере и причинах смерти не может говорить специалист, который не уполномочен проводить экспертизу.

Сами экспертизы^[6], из которых следует, что ребенок скончался от передозировки препарата магния, адвокаты просили исключить из числа доказательств — в этом судья Капранов также отказал.

«В процессе не обеспечивается равноправие сторон, а эксперт несет откровенный бред», — **не сдержался** во время одного из заседаний защитник Андрей Золотухин.

Защита единодушно **утверждала**, что проводившие исследования эксперты зависимы от Следственного комитета. Медики из Москвы и Петербурга, исследовавшие причины гибели новорожденного по запросу СК, **подтвердили** в суде свои выводы — мальчик скончался из-за введения сульфата магния.

Кроме того, претензии защиты вызвало то, что судья **не позволил** Белой и Сушкевич рассказать присяжным, как статистика смертности учитывается при оценке работы медучреждений. Когда этой темы коснулась прокурор, судья тоже решил, что знать присяжным об этом необязательно. Со ссылкой на документ минздрава Калининградской области гособвинитель объясняла, что перинатальная смертность является для роддомов неблагоприятным показателем, а после смерти новорожденного проверка ждет всех врачей, оказывавших помощь как роженице, так и младенцу. В таких случаях, настаивала прокурор, экспертная комиссия может привлечь к дисциплинарной ответственности и руководство, и рядовых работников роддома. «Вместе с тем, в случае интранатальной^[7] и антенатальной смерти комиссией оценивается качество медицинской помощи только роженице», — говорила она.

Кроме того, адвокаты жаловались, что судья их перебивает; тот, в свою очередь, обвинял адвокатов в давлении на свидетелей. Однажды судья **пригрозил удалить** из зала Елену Белую — после ее реплики «нет сил уже ложь слушать». На оба заявленных адвокатами отвода судья Капранов ответил отказом.

Что стало известно из удаленной переписки Сушкевич

Уже в ходе судебного следствия судья Капранов назначил повторную экспертизу мобильного телефона Элины Сушкевич. Оказалось, что из ее переписки с сотрудницей регионального перинатального центра Екатериной Бабаян были удалены 92 сообщения. Речь в них шла о

тяжелом состоянии новорожденного в роддоме №4, куда приехала Сушкевич. Эти сообщения удалось восстановить, сказала в суде представительница обвинения.

Как следует из зачитанных сообщений, Сушкевич докладывала Бабаян о состоянии ребенка. Неонатолог писала: «Пока не поволоку» — судя по всему, она имела в виду, что не повезет новорожденного в перинатальный центр. «Будет мертворожденным. Они до этого договорились, как я поняла», — зачитала прокурор сообщение, которое, как утверждал эксперт, отправила Бабаян подсудимой.

Адвокаты потребовали признать экспертизу удаленной переписки недопустимым доказательством, но судья отказал в этом.

Выступая перед присяжными, Сушкевич заметила-, что восстановили только текстовые сообщения: в распечатке отсутствуют фотографии монитора и анализа КЩС^[8]. «В принципе, данные сообщения подтверждают мои слова о том, что мы с Астаховой обсуждали лечение ребенка, что я ей отправляла анализы и результаты измерения давления», — сказала врач.

Что касается фразы «будет мертворожденным», неонатолог сказала, что не знает, почему Бабаян так написала, и может только догадываться о том, что та имела в виду.

Что медицинское сообщество думает о деле Белой и Сушкевич

Многие российские врачи считают Элину Сушкевич невиновной. В ноябре в фейсбуке объявили сбор подписей под письмом в поддержку неонатолога. К 1 декабря инициаторам кампании удалось собрать 1 449 подписей, их направили Владимиру Путину. Авторы обращения пишут, что медики по всей стране «обескуражены», «лишены веры в справедливость и желания работать дальше», поскольку боятся уголовного преследования.

Калининградского врача по-прежнему поддерживает Леонид Рошаль, возглавляющий национальную медицинскую палату. 3 декабря организация провела в зуме круглый стол, посвященный делу Сушкевич.

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

Во-первых, отметили участники созвона, уровень магнезии в организме ребенка не был смертельным, во-вторых, вещество могло попасть в него только через плаценту, то есть еще в утробе матери.

«Результаты судебно-медицинского исследования, ссылающиеся на специфическую морфологическую картину отравления сульфатом магния, не соответствуют тому, что есть на самом деле. Такая же морфологическая картина может быть при любой ситуации, которая приводит к летальному исходу. Это может быть дыхательная недостаточность любая, респираторный дистресс-синдром, который был у ребенка, шок, и так далее. То есть специфических признаков отравления морфологических нет», — сказал на круглом столе профессор

кафедры педиатрии Южно-Уральского медицинского университета Владислав Романенко.

С ним согласились и другие эксперты. «В ситуации, которую мы рассматриваем сегодня, много парадоксов, — отметил главный внештатный детский анестезиолог-реаниматолог Минздрава РФ Сергей Степаненко. — Ребенок родился с кучей проблем и экстремально низкой массой тела, начиная от запредельных значений анемии. От этого он мог погибнуть в любой момент».

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. Достоверно неизвестно, говорил ли Герман Геринг эти слова. Похожая фраза приводится в речи гособвинителя Яченина на процессе по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Краснодаре (1943). Не исключено, что Яченин цитировал книгу Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Ту же фразу упоминает в телесериале «17 мгновений весны» Штирлиц.
 2. Инкубатор, обогреваемый бокс с подачей кислорода.
 3. От термина «антенатальная гибель плода» — то есть наступившая до начала родов.
 4. Раньше она носила фамилию Астахова.
 5. И последний.
 6. Комплексная судебно-медицинская и спектрографическая.
 7. Во время родов.
 8. Кислотно-щелочного состояния.